

DOI 10.5862/JHSS.227.11

УДК 94(47)081.3,5

Н.В. Офицера

МАТЕРИАЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ О ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ 1920-Х ГОДОВ*

В статье рассмотрены особенности политического поведения советских рабочих в 1920-е гг. На базе информационных материалов органов государственной безопасности и партийных комитетов проанализированы ключевые поведенческие реакции рабочих – протест и политическая лояльность, разные способы и формы их проявления. Рассмотрено формирование жизненных стратегий рабочих под влиянием комплекса внешних и внутренних факторов. Выделены устоявшиеся клише властного дискурса при описании поведения рабочих, обосновано сохранение традиции объяснения негативных реакций рабочих влиянием антисоветской агитации и недостаточным усвоением программы партии. Категория «политическая пассивность» рабочих интерпретируется как обозначение стратегий протеста, эскапизма и апатии. Отмечены изменение политической риторики рабочих, усиление «ритуальной» и демонстративной поддержки власти к концу 1920-х гг. Автор приходит к выводу, что политические и социальные факторы и личностные характеристики оказывали влияние на политическое поведение рабочего, которое отражалось на реализации советского политического проекта.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ; ПРОТЕСТ; ПАССИВНОСТЬ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ; ПОДДЕРЖКА ВЛАСТИ; ВЧК – ОГПУ; СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ.

К материалам политического контроля традиционно относят информационные документы ВЧК – ОГПУ, партийных комитетов РКП(б) – ВКП(б) разного уровня, профсоюзных и комсомольских комитетов. Сами документы хорошо изучены и используются исследователями раннего советского периода для изучения отношения к мероприятиям советской власти, событиям внутренней и внешней политики, общественных настроений населения, его протестных выступлений или, напротив, конформизма, взаимоотношений внутри различных сообществ. Тем не менее «за кадром» нередко остается важный вопрос – формирование жизненных стратегий советского рабочего, которое происходило в 1920-е гг. При подготовке и реализации советского индустриального политического проекта большевики нуждались в поддержке рабочих,

провозглашенных официальным дискурсом опорой и источником власти.

В современной психологической науке жизненная стратегия понимается как способ реализации жизненной позиции человека (социальной группы). К.А. Абульханова-Славская определяет жизненную стратегию как выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу – имею» и создание условий для самореализации, творческий поиск [1].

Мы рассматриваем формирование жизненной стратегии человека как длительный процесс, происходящий под влиянием его «типичных», повторяющихся реакций на кризисные ситуации. Эти реакции определяются комплексом физиологических, психологических и социальных причин. Французский социолог Г. Бажуа выявил четыре типа поведенческих реакций человека на кризисные ситуации: уход (эскапизм как самоустранение от ситуации), протест (как активная попытка влиять на ситуацию изнутри), лояльность (смирение с ситуацией и принятие ее как есть) и апатия (приспособление к ситуации и смирение с

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00383а «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации. 1920–1932»).

ней при ее неприятии или непонимании) [2, с. 154–156]. В тяжелое (по разным причинам) для рабочих время новой экономической политики сначала формируются основные поведенческие реакции, которые модифицируются в жизненные стратегии.

Все указанные реакции представлены в многочисленных материалах политического контроля, наиболее значимыми из которых являются информационные документы ВЧК – ОГПУ. Они составлялись как на основе информации других ведомств, так и благодаря расширившейся сети секретных агентов и информаторов на производстве. Информационная функция являлась одной из важнейших функций органов ВЧК – ОГПУ.

Стоит отметить, что настроения рабочих и положение советской промышленности практически всегда освещались в первой части информационных сводок всех уровней. Для сотрудников ВЧК – ОГПУ имели значение следующие позиции: недовольство рабочих и его причины, саботаж, участие в кампаниях, забастовки всех видов, контрреволюционная и/или антисоветская агитация, отношение к мероприятиям советской власти и т. д. Изучение информационных сводок позволяет выявить основные поведенческие реакции рабочих.

В документах политического контроля выделенными поведенческими реакциями рабочих являются «поддержка власти», «пассивность» и «протест». Первая поведенческая реакция, явно фиксируемая в документах, – это *протест*. Хотелось бы отметить, что рядом с описанием рабочего протеста всегда присутствуют следующие клише: «антисоветская агитация», «контрреволюционная агитация», «происки эсеров (меньшевиков и др.)», которые, по мнению чекистов, служат либо причиной забастовок, либо поводом к рабочему протесту. Так, например, в информационной сводке Петроградского губернского отдела ГПУ за март 1922 г. сообщалось: «Забастовка 9 марта на заводе быв. „Арсенал”. Весь день рабочие не работали из-за низких тарифных ставок, инициаторами являются лица эсеровского направления»; за июнь 1922 г.: «На заводе „Роберт Круг” вся администрация и рабочие (кроме 22 человек) выступили против подписания декларации о суде над эсерами, находятся под влиянием эсеров и меньшевиков» [3, л. 6, 24 и др.].

Активный протест советского рабочего был формой борьбы за нормальные условия жизни, достойную плату за свой труд и, частично, против нараставшей «большевизации» повседневной жизни. Политический, социально-политический протест рабочих объяснялся не только «контрреволюционной агитацией», но и «несознательностью / отсталостью рабочих», «крестьянскими настроениями». Так, например, в информационных сводках 1923 и 1927 гг. отрицательное отношение к возможной войне, распространение антисоветских листовок, срыв перевыборов фабрично-заводских комитетов объяснялись влиянием «отсталых рабочих, связанных с деревней», а также эсеров и меньшевиков (разгромленных в начале 1920-х гг. – *Н. О.*) [4, 5]. Остальные рабочие, по мнению чекистов, демонстрировали «революционно-сознательное отношение» к мероприятиям власти. Таким образом, клише начала 1920-х гг. продолжали использоваться сотрудниками ОГПУ и в конце исследуемого периода.

Во второй половине 1920-х гг. в связи с ужесточением политического контроля меняются и формы протестной жизненной стратегии. Всё чаще активный открытый протест рабочих заменяется скрытым, выражающимся в форме «антисоветских высказываний», росте проявлений антисемитизма и национализма на предприятиях, «провале коммунистических списков на выборах», отказе участвовать в мероприятиях власти: митингах, демонстрациях, выборах, акциях поддержки рабочих на Западе и т. д. При изучении данного вида протеста на помощь исследователю приходят тематические информационные сводки и докладные записки. Например, во время партийной дискуссии 1925–1926 гг. были отмечены такие антисоветские высказывания, как «наша компартия не на своем месте», «эксплуатация должна иметь устойчивое положение, а не дикий необузданный анархизм», «вот дерут с нас в разные общества» [6, л. 233–235].

С 1925 г. наблюдается и изменение протестной риторики рабочих. Ранние демагогические приемы в духе «Мы хозяева, а вы – наши приказчики» заменяются использованием клише, транслируемых властью. Например, во время любых избирательных кампаний (выборы в Советы, перевыборы фабрично-заводских комитетов, бюро коллективов ВКП(б), кооперации

и др.) рабочие «берут на вооружение» постановления партийных съездов и обвиняют власть в «игнорировании коммунистами принципов широкой демократии», повсеместно (но не массово! — *Н. О.*) требуют отмены «голосования списком», тайного голосования, отмены предварительного составления списков кандидатов в бюро коллективов и фракциях фабрично-заводских комитетов [7, с. 533; 8, с. 665–668]. В заводском пространстве фиксируется и протест рабочих по отношению к профсоюзам, которых обвиняют в «отходе от нужд рабочих», бюрократии, «отсутствии живой связи с массами», «недостаточной защите своих членов» [6, л. 32–37], т. е. фактически ставя вопрос о целесообразности их существования в силу невыполнения профсоюзами своих прямых обязанностей.

Таким образом, поведенческая реакция протеста на протяжении 1920-х гг. превращается в протестную жизненную стратегию ряда рабочих, не принимающих политическую власть в существующем виде. Советские рабочие переходят от забастовки как способа отстаивания своих интересов к собственно политическим действиям, прямо или косвенно указывающим власти на неприятие определенных событий или действий. К таким политическим действиям мы относим срыв советских мероприятий, участие в политических дискуссиях, антибольшевистскую риторику. Кстати, протестная реакция была более присуща старым, квалифицированным рабочим, осознававшим свою необходимость, нежели «новым рабочим», стремившимся закрепиться в городе и улучшить свое материальное положение.

Популярной поведенческой реакцией и жизненной стратегией рабочих в 1920-е гг. становится формирующаяся *политическая лояльность*. Обеспечение политической лояльности населения — одна из важнейших функций ГПУ — ОГПУ.

Политическая лояльность советских рабочих в начале 1920-х гг. была вызвана комплексом причин. Важнейшие из них, на наш взгляд, — это усталость от чрезвычайных условий жизни в 1914–1921 гг. и стремление к достойной жизни.

Одной из форм проявления лояльности рабочих становится «громкая», порой *демонстративная поддержка власти* и ее мероприятий, обязательно фиксируемая в сводках. Так,

например, во время процесса над эсерами в Петрограде прошла демонстрация, в которой участвовало более 75 тыс. рабочих. «Бодрое настроение... полная поддержка власти» [3, л. 25]. В 1923 г. успешно прошла антирелигиозная кампания, «в большинстве губерний принимались резолюции о закрытии церквей, расположенных в районе заводов, и об использовании их для культурно-просветительских целей» [4]. Стоит отметить, что к концу 1920-х гг. «громкая поддержка» мероприятий усиливается. Например, на выборах 1927 г. в Ленинграде появляются анонимные и авторские записки, которые мы относим к «ритуальной» поддержке власти [9, л. 2–67]. Такие действия могли быть вызваны и искренней верой в дискурсивные идеалы, и так называемыми «шкурными» интересами, стремлением к повышению своего статуса в советском обществе.

Другой формой проявления лояльности становится *искренняя поддержка власти* и ее мероприятий, стремление изжить временные трудности и недостатки на местах, особенно заметные при изучении личных документов, попавших в материалы перлюстрации. Так, сводка Ленинградского отдела ГПУ за прочитанную корреспонденцию 1924 г. фиксирует следующие высказывания: «Ты учишь, чтобы принести пользу пролетариату», «Троцкий — соглашатель, хочет заменить ленинизм», «Бог есть великий соглашатель, меньшевики, эсеры — великие мучители рабочих и крестьян, всего мира, хитрая механика буржуазии» и др. [10, л. 25, 27–29]. Искренняя поддержка власти отражена и в информационных обзорах ОГПУ: «кампания по режиму экономии встречена рабочими с большим удовлетворением», «отчисления на оборону проводились рабочими с готовностью», «лучше отдать месячный заработок, но не допустить войны» [11; 12]. Стоит отметить и резкое увеличение числа «деловых» записок, поданных на перевыборах 1927–1928 гг. В них предлагались конкретные меры для улучшения дел на местах, облегчения положения рабочих, усиления привлекательности образа власти. Сюда относятся и эгалитаристские устремления рабочих, и их предложения к ужесточению ответственности за хозяйственные и политические преступления.

Еще одной формой проявления политической лояльности рабочих становится участие в

мероприятиях власти (демонстрации и митинги; торжественные и траурные собрания; избирательные кампании; партийные, профсоюзные и комсомольские собрания, беспартийные рабочие конференции, производственные совещания; членство в общественных организациях; антирелигиозная деятельность; освоение новых досуговых практик; обучение политграмоте и повышение квалификации). С одной стороны, информационные документы демонстрируют рост участия рабочих в советских мероприятиях, с другой стороны, простое участие нередко упоминается как «пассивность», которая всегда несет негативную коннотацию.

«Пассивность» рабочих в материалах политического контроля на самом деле представляет собой проявление всех жизненных стратегий. Во-первых, «пассивность» – это политическая лояльность, которую выбирают для себя некоторые рабочие, считая, что «непротивление» власти и участие в ее мероприятиях обеспечат им возможность спокойного труда и быта.

Во-вторых, под «пассивностью» часто понимается *апатия* рабочих, их равнодушие к мероприятиям власти или понимание бессмысленности каких-то активных политических действий. Примерами такой пассивности являются факты, отмеченные во множестве закрытых писем секретарей губернских комитетов ВКП(б) во второй половине 1920-х гг.: «слабое участие рабочих в партийной жизни», простое «присутствие на собраниях членов и кандидатов Ленинского призыва», «большинство рабочих на фабрике „Скороход“ во время доклада Ленсовета разбрелись по углам и занимались посторонними разговорами», «Зачем мы здесь сидим? Всех, кого надо, и без нас выберут» [13, л. 205–210; 14, л. 3].

В-третьих, «пассивность» представляла собой *эскапизм* как уход от проблемы. Здесь мы можем увидеть два варианта: с одной стороны, это активный уход от не устраивающих рабочего обстоятельств, например переход на другое место работы. (В период нэпа таким решением мог быть выбор частной сферы экономики. Например, в конце 1925 г. сложилось тяжелое

положение на Путиловском заводе, откуда высококвалифицированные рабочие из-за низкой заработной платы уходили на другие предприятия, увлекая за собой остальных [15, с. 235–237]). С другой стороны, эскапизм проявлялся в форме перекладывания ответственности на членов своей семьи, друзей и родственников.

Кроме того, «пассивность» в информационных сводках нередко представляла собой протест. В материалах политического контроля нередко отмечается, например, «пассивное отношение» к выборам в Советы. На самом деле на протяжении 1920-х гг. избирательные кампании всегда находились в фокусе внимания граждан, в том числе и как способ приобщения к государственной политике, а «пассивное отношение» означало чаще всего провал партийных списков на выборах (или, как минимум, провал некоторых кандидатур из списка). По нашему мнению, такая ситуация была обусловлена как экономическими трудностями нэпа, так и некоторым ослаблением политического контроля в начале 1920-х гг., связанным с реорганизацией государственной безопасности, борьбой в высших и средних эшелонах власти.

Таким образом, в информационных документах политического контроля нам встретились все поведенческие реакции на кризисные ситуации, определившие к концу 1920-х гг. формирование жизненных стратегий советских рабочих, – протест, политическая лояльность, эскапизм и апатия. Выбор стратегии и формы ее проявления был обусловлен как внутренними, личностными характеристиками рабочего, так и внешними факторами: наличием или отсутствием семьи, происхождением, длительностью рабочего стажа, ужесточением политического контроля после 1925 г., социальным контролем на предприятии, реакцией власти на те или иные поведенческие реакции рабочих. Тщательная фиксация всех негативных для власти проявлений жизненных стратегий рабочих помогала своевременно реагировать на трудности, возникавшие в процессе реализации советского индустриального политического проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абульханова-Славская К.А.** Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. **Нормы** и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / под общ. ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Нева, 2000. 479 с.
3. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 9. Оп. 1. Д. 460.
4. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за апрель – май 1923 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/24546> (дата обращения: 01.08.2014).
5. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за 1927 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/25639> (дата обращения: 01.08.2014).
6. **Российский государственный архив социально-политической истории.** Ф. 17. Оп. 85. Д. 169.
7. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за сентябрь 1925 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1925 г. Т. 3, ч. 2. М., 2002. С. 497–566.
8. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за ноябрь 1925 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1925 г. Т. 3, ч. 2. М., 2002. С. 650–705.
9. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 16. Оп. 8. Д. 8616.
10. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 16. Оп. 5. Д. 5916.
11. **Обзор** политико-экономического состояния СССР за апрель 1926 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/25582> (дата обращения: 02.08.2014).
12. **Обзор** политического состояния СССР за июль 1927 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. URL: <http://istmat.info/node/25671> (дата обращения: 03.08.2014).
13. **Российский государственный архив социально-политической истории.** Ф. 17. Оп. 60. Д. 826.
14. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 16. Оп. 8. Д. 8437.
15. **Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность** / под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце; Фонд Ф. Эберга, Фонд «Альтернативы». М.: [РИГ-ИЗДАТ], 2002. 252 с.

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: oficernv@mail.ru

N.V. Ofitserova

MATERIALS OF THE POLITICAL CONTROL ABOUT SOVIET WORKERS LIFE STRATEGIES OF THE 1920S

The article is devoted to the peculiarities of political behavior of Soviet workers in the 1920s. On the basis of information materials of the state security agencies and party committees analyzes key behavioral responses of Soviet workers: protest and political loyalty, different methods and forms of their manifestation. Discusses the formation of life strategies of workers under the influence of external and internal factors. Highlighted the well-established clichés of the power of discourse in the description of the behavior of workers, the preservation of traditions explaining the negative reactions of the workers the influence of anti-Soviet agitation and lack of assimilation of the party program. The phenomenon of “political passivity” of the workers is interpreted as referring to the strategies of protest, escapism and apathy. It is

noted the change in the political rhetoric of workers, strengthening “ritual” and demonstrative support to the authorities by the end of the 1920s. The conclusion about the influence of political and social factors and personal characteristics on political behavior working, which has affected the implementation of the Soviet political project.

LIFE STRATEGIES; PROTEST; PASSIVITY; POLITICAL LOYALTY; SUPPORT OF AUTHORITIES; THE CHEKA; OGPU; SOVIETPOLITICAL PROJECT.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow, Myisl Publ., 1991. 299 p. (In Russ.)
2. *Normy i tselestnosti povsednevnoy zhizni: Stanovleniye sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-e gody* [The norms and values of everyday life: the formation of the socialist way of life in Russia, 1920–1930-ies]. St. Petersburg, Neva Publ., 2000. 479 p. (In Russ.)
3. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 9. Op. 1. D. 460. (In Russ.)
4. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za aprel – may 1923 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1923 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1923]. Available at: <http://istmat.info/node/24546> (accessed 01.08.2014).
5. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za 1927 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1927 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1927]. Available at: <http://istmat.info/node/25639> (accessed 01.08.2014).
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 85. D. 169. (In Russ.)
7. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za sentyabr' 1925 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1925 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1925]. Vol. 3, pt. 2. Moscow, 2002. Pp. 497–566. (In Russ.)
8. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za noyabr' 1925 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1925 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1925]. Vol. 3, pt. 2. Moscow, 2002. Pp. 650–705. (In Russ.)
9. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 8. D. 8616. (In Russ.)
10. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 5. D. 5916. (In Russ.)
11. Obzor politiko-ekonomicheskogo sostoyaniya SSSR za aprel 1926 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1926 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1926]. Available at: <http://istmat.info/node/25582> (accessed 02.08.2014).
12. Obzor politicheskogo sostoyaniya SSSR za iyul 1927 g. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane. 1927 g.* [“Top secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country. 1927]. Available at: <http://istmat.info/node/25582> (accessed 02.08.2014).
13. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 60. D. 826. (In Russ.)
14. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 8. D. 8437. (In Russ.)
15. *Rabochiy klass i rabocheye dvizheniye Rossii: istoriya i sovremennost'* [The working class and the labour movement in Russia: History and modernity]. Moscow, [RIG-IZDAT] Publ., 2002. 252 p. (In Russ.)

OFITSEROVA Natalya V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: oficernv@mail.ru